Н. Б. Тулуповъ и
П. М. Шестаковъ.

Бѣлое море и поморы.

52 в

Книжка для чтенія на третьемъ году обученія.

Цѣна 6 коп.

№ 47.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Москва. — 1913 г.

Соловецкий
муз... ...ник
Библио...ка

„Библіотека новой школы“.

Соловецкий музей заповедник Библиотека

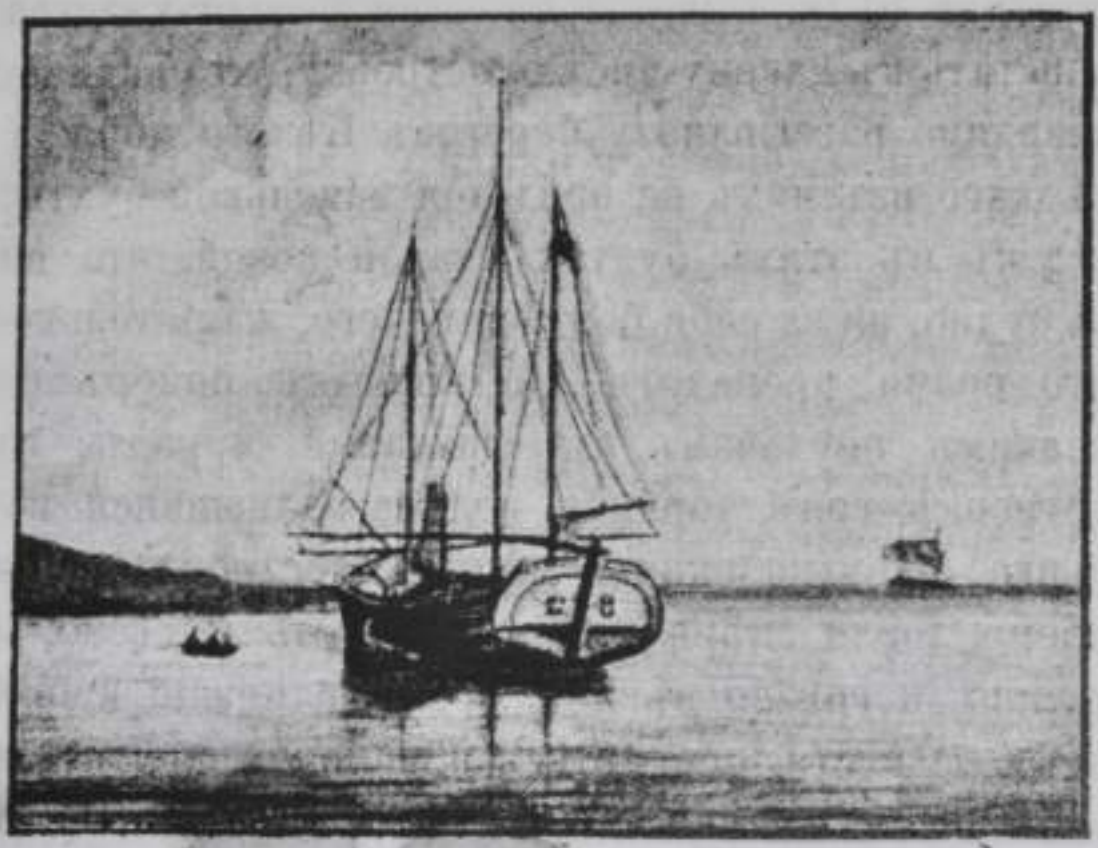
Бѣлое море.

Насталъ іюнь. Холодное Бѣлое море очистилось отъ своихъ льдовъ. Начинается время усиленной дѣятельности для русскихъ береговыхъ жителей Архангельской губерніи, извѣстныхъ подъ именемъ поморовъ.

Раннее утро. Густой бѣлый туманъ вплотную насѣлъ на угрюмыя свинцовыя волны моря. За нѣсколько шаговъ ничего не видно. Только сквозь влажную пелену прорывается протяжный, унылый, наводящій тоску, точно похоронный, звонъ колокола; невольно вздрогнешь отъ этихъ звуковъ: не гибнетъ ли судно? Но вотъ солнышко выше и выше скользитъ по небу, рѣже и рѣже туманъ, и изъ-за него вдругъ вынырнула красивая поморская шкуна. Бѣлые паруса туго натягиваются вѣтромъ и бойко бѣжитъ царица бѣломорскихъ судовъ. Нѣтъ, она не въ опасности, а звонили затѣмъ, чтобы другіе суда, не видя

Соловецкий музей заповедник Библиотека

ничего за туманомъ, не столкнулись съ быстро бѣгущей шкуной. Разсѣявшійся туманъ даетъ возможность невдалекѣ разглядѣть большое остроносое палубное судно-ладью. Ближе къ берегу, поднявъ свой единственный парусъ, бѣгутъ безпалубныя суда — шняки. Свѣжій вѣтерокъ подгоняетъ ихъ все дальше и дальше по направленію къ западу. Конечно, неуклюжей ладьѣ не угнаться за ловкою стройною шкуной, а шнякѣ, въ свою очередь, не угнетаться за ладьей; но всякому свое. Доволенъ хозяинъ ладьи, доволенъ хозяинъ шняки и благодаритъ Бога за повѣтеръ (попутный вѣтеръ). Но стихнетъ вѣтеръ — синее море замретъ, и его свѣтлыя воды сдѣлаются такъ прозрачны, что видно дно съ его пестрыми камешками, разноцвѣтными раковинами и разными причудливыми морскими животными. Шняки идутъ тогда на веслахъ, а то и совсѣмъ остановятся, а палубныя суда, лавируя, все подвигаются впередъ и впередъ. Но на сѣверѣ въ началѣ лѣта нельзя ожидать постоянной погоды; за тихимъ, яснымъ днемъ можетъ послѣдовать бурная ночь, и наоборотъ, а то вдругъ запѣнится море, ударитъ сильный, хоть и непродолжительный, вѣтеръ, — торокъ, какъ его называютъ. Крѣпко недолюбливаютъ поморы этотъ вѣтеръ:



Ладья поморовъ.

какъ бѣшеный сорвется онъ вдругъ, того и гляди — поломаетъ мачты, вырветъ руль, а то и совсѣмъ опрокинетъ судно. Да и продолжительная-то буря не совсѣмъ пріятна, хорошо, какъ вѣтеръ попутный — можно паруса распустить и бѣжать, шибко бѣжать, да долго ли до бѣды: мель, камень какой-нибудь — и гибель; но при опытномъ кормщикѣ, конечно, все ничего. А какъ вѣтеръ противный — становись на якорь и шкуна, и ладья, а ужъ для шняки или карбаса — на-

стоящая бѣда. Благодареніе Богу, если удастся пристать къ какому-нибудь островку, что видимо-невидимо разсыпано у береговъ Бѣлаго моря. У рѣдкаго изъ нихъ не найдется маленькой бухты, а ужъ въ этихъ бухтахъ такой покой, что ни за судно, ни за себя бояться нечего, жаль только, что время пропадетъ. Но привыкъ поморъ ко всякимъ неудачамъ, да, пожалуй, и радъ: на островкѣ вонъ торчитъ полуразвалившаяся избенка; промышленникъ какой-то построилъ ее на время ловли звѣря или рыбы; хоть и тѣсно, и душно, и грязно въ ней, все-таки можно и огонекъ развести, обогрѣться и ушицу сварить изъ свѣжинки (свѣжей рыбы), что набросали имъ земляки, ловившіе рыбу, а тамъ соснуть можно славно, благо тепло.

Пріятно мечтая о вкусной ухѣ и сладкомъ снѣ, выходятъ промышленники на берегъ.

Гранитная масса успѣла уже покрыться и мохомъ, и мелкимъ кустарникомъ, и бѣлыми цвѣточками морошки (блѣдно-оранжевая ягода), и даже одинюко торчитъ хвойное деревцо. Подъ ногами то и дѣло хруститъ черная водянистая ягода — воронika. За кустарниками, при приближеніи шаговъ, раздался сильный трескъ и топотъ: это медвѣдь, лакомившійся вороникой, уби-

рается во-свояси. Пугливый зайчикъ, выскочивъ изъ-за зелени, присѣлъ, поджавъ длинныя ушки. Гуси и утки цѣлою стаей вьются надъ островомъ. Чайки, мелькая бѣлыми серебряными точками, пронзительно, жалобно выкрикиваютъ.

Прояснится погода — и опять въ путь поморы. Плывутъ они между безчисленными островами то голыми, то покрытыми желтыми и зелеными пятнами моха и лишаевъ, то зелеными, поросшими кустарникомъ; плывутъ мимо береговъ то ровныхъ, песчаныхъ, то рисующихъ гдѣ-то далеко, за горизонтомъ, неясными очертаніями хвойный лѣсъ; плывутъ мимо каменистыхъ береговъ, красивыми пестрыми массами и отдѣльными скалами сторожащихъ синее море. Чѣмъ дальше на востокъ и сѣверъ, тѣмъ меньше зелени видно, и только изрѣдка непривѣтливо торчитъ искривленный приземистый хвойный лѣсъ; чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и больше высятся гранитныя угрюмыя скалы, тѣмъ рѣже и ниже встрѣчаются деревья, и только печально рисуются то отдѣльно, то по нѣскольку вмѣстѣ простые деревянные кресты, наводящіе на грустныя мысли. Поставлены ли они въ благодарность Господу за чудесное спасеніе, поставлены ли послѣднимъ памятникомъ умершихъ товарищей или родныхъ, поставлены

ли тружениками и обреченными на голодную смерть бѣдняками, захотѣвшими оставить послѣднюю память, — кто знаетъ? Одно несомнѣнно, что не веселыхъ картинъ они были свидѣтелями.

Но долго ли, коротко ли — суда въ океанѣ. Тутъ дрогнетъ сердце и у смѣлаго помора, да и еще бы! Поднимается вѣтеръ — волны ходятъ такія, что закроютъ все судно съ мачтами. Да это еще что! А то громадныя льдины ходятъ плавно поодиночкѣ, скользя по волнамъ, или, сталкиваясь вмѣстѣ, съ трескомъ, шумомъ и искрами громоздятся другъ на друга и плывутъ уже такою страшною массой, что и большой корабль покажется передъ ними игрушкой. Съ такими льдинами шутить опасно: какъ разъ отъ судна останутся однѣ щепки.

Конечно, поморы могли бы ѣхать и попозднѣе, когда погода постояннѣе, когда ледъ пронесетъ, дѣло только въ томъ, что это невыгодно. Большимъ судамъ путь не близокъ — въ Норвегію: вѣдь нужно успѣть продать все, что везутъ изъ Архангельска: и хлѣбъ и пеньку, да и купить кой-что нужно, не мала и покупка, а позднѣе-то пріѣдешь — пожалуй, и продашь съ убыткомъ и купишь невыгодно. А поменьше суда идутъ на рыбные и звѣриные промыслы: тоже опоздать-

то неладно: звѣри-то да рыба ждать не будутъ, да и другіе промышленники тоже. Значитъ, дѣлать нечего! Впрочемъ, поморъ и привыкъ къ опасностямъ: съ дѣтства онъ ужъ на морѣ, мальчика восьми и даже семи лѣтъ берутъ съ собою, можно привыкнуть, и, дѣйствительно, привыкаетъ поморъ; довольно равнодушенъ онъ и къ камнямъ, и къ мелямъ, и къ бурямъ, и льдинамъ: на все, молъ, Божья воля, какъ кому суждено Господомъ. Но вы не думайте, чтобъ онъ хладнокровно относился и къ землякамъ, если тѣ въ опасности, — нѣтъ! Несмотря ни на что, иногда въ крошечной вертлявой лодчонкѣ, мѣтко названной душегубкой, плыветъ онъ спасать тонущаго; и тутъ опять-таки помогаетъ ему хладнокровіе: на все Божья воля, махнетъ рукой поморъ, и ничто не удержитъ его исполнить свой христіанскій долгъ.

Идутъ поморы навстрѣчу морскимъ опасностямъ, а на берегу остались ихъ жены, дѣти и всѣ родные.

Кипитъ ключомъ дѣятельность въ Поморьѣ вплоть до осени. Задуютъ осенніе сѣверные вѣтры, взгрустнется поморамъ: «гдѣ-то наши, благополучны ли, живы ли?» — сожмется сердце поморки за своего мужа, за своихъ маленькихъ

дѣтишекъ, что тоже отправились въ море. Чаще и чаще выходитъ она на берегъ посмотрѣть, не ѣдутъ ли; бѣлѣющіеся паруса уже нѣсколько разъ обманывали ея ожиданія.

Сѣверный вѣтеръ пронизываетъ плавателей насквозь, такъ что и полушубокъ надѣть впору. Тяжелыя, сѣрыя волны съ остервенѣніемъ нападаютъ на суда; глядя на нихъ, нельзя разсчитывать на благополучное плаваніе. Но вотъ показались воздушныя бѣлыя очертанія Архангельска, и скоро суда съ трудомъ подходятъ къ пристани. Шумъ, гамъ, толкотня на Архангельскомъ базарѣ цѣлый мѣсяцъ, и только по окончаніи его все утихаетъ, — наступаетъ холодная, снѣжная зима. Свинцовое море въ бѣлыхъ берегахъ ужасно. Опять ходятъ на поверхности его угрожающія льдины, но угрожать теперь некому: поморы дома, наслаждаются отдыхомъ. Да и зима, впрочемъ, не всегда въ Поморьѣ обходится благополучно: не въ рѣдкость тамъ случаются такія вещи. Посреди моря сильнымъ вѣтромъ тащитъ огромную льдину; на ней, взмахивая руками, несется человѣкъ, шапку сорвало съ головы; русые волосы прядями падаютъ на страшно поблѣднѣвшее лицо; крики... не крики, а вопли доходятъ до товарищей. Всѣ они занимались

ловлей морскихъ звѣрей, перебивая ихъ, когда, высовывая голову между льдинами, звѣри хотятъ вдохнуть свѣжій воздухъ. Вѣтеръ ли оторвалъ, или звѣри столкнули своими судорожными предсмертными движеніями, только одну льдину съ товарищемъ, прилежно занявшимся убитымъ звѣремъ, унесло, и замѣтили это только тогда, когда она была уже далеко. Рѣшили достать лодку и догнать, во что бы то ни стало; но вѣдь это дѣло сомнительное, не мудрено самимъ смѣльчакамъ погибнуть. Хорошо, какъ вынесетъ льдину на островокъ: тамъ можно прожить, пока не подоспѣютъ товарищи, да нерѣдко бываетъ, что умираютъ на нихъ голодною смертью, — всѣ эти островки такъ пустынны...

Ф. Ставровская.

Полуночное солнце.

Наше путешествіе по Мурману [1]) подходило къ концу. Еще черезъ день, — и мы уже выйдемъ изъ полярной области и будемъ въ Архангельскѣ. А между тѣмъ до сихъ поръ я еще не видалъ во всей красѣ картины полуночнаго солнца. То небо въ полночь было покрыто обла-

[1]) Мурманомъ называется сѣверный берегъ Лапландіи, или Кольскаго полуострова.

ками, то мы стояли въ гавани какого-нибудь становища, и солнце было скрыто отъ насъ прибрежными скалами.

Наканунѣ ночью, когда мы были еще въ Ледовитомъ океанѣ, солнце все время оставалось высоко на небѣ и такъ и не спустилось къ морю. Но, къ сожалѣнію, часовъ съ одиннадцати стали находить облака, и когда ровно въ двѣнадцать часовъ ночи я снялъ солнце въ фотографическій аппаратъ, только одинъ краешекъ его выглядывалъ золотистой каймой изъ-за слоя закрывавшихъ его облаковъ. Но это было не то. Мнѣ хотѣлось видѣть солнце во всемъ его блескѣ,— видѣть, какъ свѣтитъ оно въ ночные часы непрерывнаго лѣтняго дня на сѣверѣ.

Скоро океанъ остался позади, и мы плыли Бѣлымъ моремъ.

Наступилъ вечеръ, и часы показывали уже позднее время. А между тѣмъ солнце стояло все еще высоко хотя постепенно замѣтно склонялось все ниже и ниже. Мы съ нетерпѣніемъ слѣдили за нимъ, и загадывали, зайдетъ ли оно за море или будетъ свѣтить намъ, когда часы будутъ показывать полночь. И вотъ случилось, что незадолго до полночи пароходъ остановился возлѣ мѣстечка Поноя и здѣсь задержался.

Полутеневое солнце.

Былъ двѣнадцатый часъ. Солнце уже замѣтно опустилось, и черезъ каждыя нѣсколько минутъ легко можно было наблюдать, какъ все меньше и меньше становится разстояніе, отдѣляющее его отъ поверхности моря. Зайдетъ ли оно совсѣмъ?

По часамъ была уже ночь, но какая странная свѣтлая, солнечная ночь! Солнце не хочетъ садиться. Его красный кругъ совсѣмъ опустился на море; вотъ нижній край его слегка погружается въ воду... но дальше не идетъ. Огненный шаръ словно плаваетъ на водѣ... Часы показываютъ ровно полночь...

Но что же это: ночь или день? Свѣтло, какъ вечеромъ, когда заходитъ солнце; свѣтло, какъ рано утромъ, когда солнце только восходитъ.

Розовая заря разливается по всей сѣверной сторонѣ неба. По свѣтлой, серебристой поверхности моря пробѣгаютъ, играя, золотые лучи. А на сторонѣ неба, противоположной солнцу, совсѣмъ темно. Идущій тамъ вдали пароходъ представляется чернымъ силуэтомъ, и дымъ отъ трубы его какъ-то мрачно рисуется длинной темной полосой на темно-лиловомъ небѣ.

Какъ очарованные, стояли мы неподвижно и любовались волшебной панорамой...

Но вотъ огненный шаръ отдѣлился отъ моря... Еще нѣсколько мгновеній — и совсѣмъ ясно видно, что солнце поднялось надъ водой. Повѣяло утреннимъ вѣтеркомъ. Лучи отъ солнца блеснули ярче; стало замѣтно свѣтлѣть.

Мы стали расходиться спать. Ночь миновала — начинался день. Солнце, незаходящее солнце полярнаго лѣта, поднималось все выше и выше...

В. Львовъ.

43389

Соловецкій монастырь.

На Бѣломъ морѣ, верстахъ въ 300 отъ Архангельска, лежитъ нѣсколько маленькихъ острововъ, называемымъ Соловецкими. На нихъ расположенъ старинный Соловецкій монастырь. Онъ доступенъ не болѣе 4 мѣсяцевъ въ году (отъ половины мая до половины сентября). Остальное время бурное море и плавучіе льды не позволяютъ никому проникнуть сюда.

Природа Соловецкихъ острововъ суровая. Еще въ половинѣ іюня мѣстами лежитъ снѣгъ. Однако тутъ растутъ хорошіе сосновые и еловые лѣса. Хлѣбъ не родится, но овощи: картофель, капуста, рѣдька, вызрѣваютъ хорошо. На островахъ водятся стада оленей и много ли-

Общій видъ Соловецкаго монастыря.

сицъ. Весной прилетаетъ множество птицъ, особенно чаекъ. Чайки совершенно заполняютъ монастырскій дворъ. Не боясь людей, онѣ цѣлыми тысячами бѣгаютъ по двору и тутъ же на землѣ высиживаютъ яйца и выкармливаютъ птенцовъ. Однако на зиму онѣ не остаются и улетаютъ въ теплые края.

Хотя монастырь большую часть года разобщенъ со всѣми другими жилыми мѣстами, онъ ни въ чемъ не нуждается. Все, что ему необходимо, кромѣ хлѣба, монастырь производитъ самъ. У монастыря есть свои огороды, рыбныя ловли, мельницы, лѣсопильные и кирпичные заводы и всевозможныя мастерскія. Монастырь имѣетъ собственные пароходы, на которыхъ привозитъ и отвозитъ богомольцевъ. Матросы, капитанъ и всѣ вообще служащіе на пароходѣ состоятъ изъ монаховъ.

Въ лѣтнее время въ Соловецкомъ монастырѣ собирается множество богомольцевъ съ разныхъ концовъ Россіи.

Изъ «Нашей Родины».

Соловки.

Велика и, дѣйствительно, заслужена слава Соловецкой обители на дальнемъ сѣверѣ нашемъ!

Монахи здѣсь въ потѣ лица трудятся съ ранняго утра до поздней ночи. Они не только побороли, но и украсили окружающую суровую природу сѣвера. Здѣсь строятся пароходы, литографируютъ картины и образа для народа, дубятъ кожи, приготовляютъ кирпичи. Тутъ есть фотографы, финифтщики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, каменщики, механики, скотоводы, сыровары, строители-архитекторы; тутъ есть магазины великолѣпныхъ хозяйственныхъ помѣщеній, кладовыя, квасныя и пекарни. Монастырю принадлежатъ два парохода, на которыхъ и капитаны и матросы—монахи, и морская шкуна, управляемая тоже иноками; на ней они ловятъ рыбу и промышляютъ звѣря вдоль береговъ Мурманскихъ, въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Тутъ есть рѣзчики, столяры, гончары, кузнецы, коневоды, огородники, опытные садовники, живописцы,—словомъ, отрѣзанный иногда въ теченіе восьми мѣсяцевъ,—а шести всегда,—отъ всего остальнаго міра, Соловецкій монастырь ни въ комъ не нуждается и ничего никогда не покупаетъ, а все, что ему необходимо, производитъ самъ, кромѣ хлѣба, пряжи и каменнаго угля. Зато и населеніе сѣверныхъ губерній относится къ нему съ

величайшимъ уваженіемъ. Богатые крестьяне архангельскіе, вологодскіе, олонецкіе, вятскіе и пермскіе жертвуютъ очень много на обитель и, кромѣ того, ежегодно на зиму въ монастырѣ собирается до тысячи даровыхъ рабочихъ, давшихъ обѣтъ прослужить годъ на святителей соловецкихъ Зосиму и Савватія!

Монастырскіе огороды и сады славятся по всему сѣверу. Здѣсь, чуть ли не у самаго царства полярнаго полюса, ухитрились разводить въ теплицахъ арбузы, дыни и персики. Овощи огородные такіе, какихъ не найдешь и гораздо южнѣе. Ежегодно въ Соловки приходятъ до пятнадцати тысячъ богомольцевъ; многіе остаются на зиму. Всѣ они съ разныхъ концовъ Россіи, и каждый приноситъ съ собою какое-либо знаніе. Можете себѣ представить, какую массу добра дѣлаетъ этотъ наплывъ умѣлыхъ людей съ сѣвера, съ юга, съ запада и съ востока! Сюда даже пріѣзжаютъ учиться хозяйству, потому что у себя дома не узнаешь и половины того, что здѣсь увидишь на каждомъ шагу. Громадныя помѣщенія кузницъ, словно сказочныя подземелья, лѣтомъ охватываютъ васъ своимъ мракомъ; зато зимой работа здѣсь кипитъ и багровые огни ярко блестятъ въ десяткахъ горновъ,

Соловецкий музей-заповедник Библиотека

слышатся веселый говоръ или пѣніе молитвъ, стукъ молотковъ и сыплются въ окружающую тьму изъ-подъ нихъ цѣлые снопы яркихъ, серебряныхъ искръ. Кожевня можетъ быть образцомъ такого рода заведенія для всего сѣвера. Она выпускаетъ на монастырь болѣе восьми тысячъ нерпичьихъ кожъ; сверхъ того, тутъ же обдѣлываются тюленьи и моржевыя, оленьи и коровьи кожи. Такимъ образомъ на промыслахъ одѣвается и постоянно обувается монастырь въ свою собственную кожу, отнюдь не покупая ее на сторонѣ. Громадный кирпичный заводъ стоитъ около и ежегодно даетъ обители четыреста тысячъ штукъ крупнаго и осадочнаго, весьма прочнаго кирпича. Всѣ зданія соловецкія выведены изъ него. Мало того, монахи, воспользовавшись ручьями, расчистили ихъ, углубили и обратили въ узенькіе каналы, устроивъ на нихъ въ одномъ мѣстѣ точильню, въ другомъ—водоподъемную машину. Съ тѣхъ поръ, какъ Марѳа посадница отдала Соловецкій островъ монастырю, монахи не переставали трудиться и работать надъ дорогами, такъ что теперь вы ѣдете по такимъ, какихъ нигдѣ больше не найдете на нашемъ сѣверѣ. Они воспользовались четырьмястами озеръ маленькихъ, находящихся внутри острововъ, и

завели тамъ рыбные ловы. Своды молодыхъ деревьевъ у этихъ озеръ манятъ въ свою прохладную тѣнь; роскошныя купы деревьевъ посреди водъ, челны, неподвижно чернѣющіе у берега, часто острыя скалы, словно иглы выступающія изъ озера,—все это полно лѣтомъ невыразимаго очарованія. Казалось, природа хотѣла вознаградить здѣсь человѣка за краткость своего лѣта неописуемою роскошью и красотой картинъ. Отъ острововъ къ островамъ всюду устроены переправы, а два большіе—Соловецъ и Муксальма—соединены между собой ни болѣе ни менѣе, какъ мостомъ. Мостъ черезъ море! Мостъ построенъ монахами! Монахи ухитрились воспользоваться мелкими островками, лежащими между этими большими, и соединили ихъ всѣ между собою, заваливъ море каменьями! Сооруженіе грубое, но колоссальное, вѣчное. Бури, ледяныя громады, время—безсильны передъ этою каменной стѣной. Все это сдѣлано безъ помощи машинъ, одною ручною силой. Трудно вѣрить, не видавъ, что горсть простыхъ монаховъ создала это чудо труда и генія.

— Господь намъ помогъ,—говорятъ монахи:—архимандриту видѣніе было. Молились передъ этимъ долго; мѣсяцъ постъ строгій со-

блюдали и начали постройку; самъ настоятель помогалъ намъ, намѣстники камни таскали.

На Муксальмѣ, соединенной такимъ образомъ съ Соловецкимъ островомъ, иноки устроили птичій дворъ и ферму, образцово содержимыя конюшни, которыя своей чистотой напоминаютъ Голландію. Оттого и скотъ здѣшній такъ хорошъ и здоровъ. Молоко соловецкое и масло несравненно лучше тѣхъ же продуктовъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, не исключая и нѣмецкихъ колоній.

Но мостъ черезъ море—сооруженіе грубое, а посмотрите на соловецкіе доки, созданные тоже монахами! Это уже дѣло, основанное на научныхъ выводахъ, и тутъ уже мало одной физической силы. Монахи съ гордостью указываютъ на свои доки, и невольно чувствуешь, что въ этомъ отношеніи гордость ихъ вполнѣ законна.

— Наши, изъ крестьянъ, строили,—объясняютъ они.

— А кто наблюдалъ за постройкой?

— Тоже одинъ изъ мужичковъ.

За границей и то рѣдки сооруженія болѣе прочныя и красивыя!

Бока доковъ обшиты гранитомъ: все, до послѣдней мелочи, изящно, несокрушимо и удобно.

Края доковъ состоятъ изъ восьми тысячъ балясинъ въ два ряда, промежутки между которыми завалены каменьями и засыпаны землей. Подъ гранитною обшивкой ничего этого, разумѣется, не замѣтно. Въ доки проведены каналы изъ Свято озера и изъ резервуара мельницы св. Филиппа. Когда откроютъ громадные шлюзы, вода стремится по этимъ двумъ путямъ съ такою ужасающею быстротой и шумомъ, что у зрителей захватываетъ дыханіе. Отъ брошеннаго сюда бревна остаются только щепки. Потомъ весь этотъ водоворотъ стремится въ шлюзы и съ громомъ наполняетъ бассейны доковъ. Когда вода поднимается до опредѣленной высоты, открываютъ выходъ въ другой постоянный бассейнъ, гдѣ ужъ стоитъ судно. Выждутъ нѣсколько минутъ, когда воды двухъ бассейновъ сравняются, судно переводится въ большой, гдѣ его, или пароходъ, ставятъ между брусьями, «защемливаютъ», и потомъ вода спускается. Такимъ образомъ монахи здѣсь собрали свой пароходъ «Вѣру» и выстроили другой—«Надежду».

Изъ всего этого видно, что весь монастырь постоянно находится на работѣ. Нѣтъ такого монаха, который сидѣлъ бы сложа руки. Начиная съ игумена и кончая послѣднимъ послушникомъ,

никто не складываетъ рукъ. Мірянинъ бы давно утомился и потребовалъ бы отдыха,—монаху не до того. Онъ убѣжденъ, что работаетъ на свв. Зосиму и Савватія, убѣжденъ, что они присутствуютъ на его работѣ и смотрятъ на него. Здѣшній инокъ изъ крестьянъ называетъ этихъ угодниковъ хозяевами, а Соловки—ихъ хозяйствомъ. Онъ вѣритъ въ чудеса, вѣритъ въ то, что истинная работа титановъ—мостъ черезъ море былъ построенъ только потому, что вмѣстѣ съ иноками надъ нимъ работали свв. Зосима и Савватій. Нѣкоторымъ монахамъ слышалось пѣніе ангеловъ наверху, видѣлись призраки. То же самое было, когда строились соловецкіе доки. Понятная вещь, что вѣра поможетъ не только физическому труду, но и изобрѣтательности человѣка. Поэтому въ Соловкахъ случается, что простой крестьянинъ, приставленный къ какой-нибудь машинѣ, думаетъ-думаетъ, да и придумаетъ такое упрощеніе ея или новое приложеніе, что потомъ сюда пріѣзжаютъ учиться изъ городовъ. На зиму при монастырѣ остается множество мальчиковъ, значительная часть которыхъ остается потомъ въ обители. Еще бы! Попавъ сюда изъ суровой крестьянской жизни, къ ласкѣ, теплу и сытому корму, ребенокъ думаетъ,

что лучше ничего не можетъ быть судьбы монаховъ. Дома онъ голодалъ, былъ плохо одѣтъ, томился на работѣ; дома—грязь, нищета, случается — пьянство отца; дома деревенскій мальчикъ растетъ какъ волчонокъ, чуя за собой постоянную травлю. Въ монастырѣ — иной міръ, привольная жизнь. Тутъ его никто не бьетъ, обращаются мягко, даже нѣжно. Старики-монахи смотрятъ на него какъ на свое дитя; потребность любви пробуждается въ старческомъ сердцѣ, и монахъ серіозно привязывается къ крестьянскому мальчику. Онъ всегда сытъ: обильный обѣдъ, ужинъ; хлѣба, мяса и рыбы вволю. Одѣтъ онъ опрятно, чисто; работай сколько можешь, сколько есть усердія, потому что это не подневольный трудъ, а на свв. Зосиму и Савватія. Грязи и нищеты не видать нигдѣ, пьяныхъ и подавно... И какіе же самородки являются между этими дѣтьми, какіе таланты развертываются на привольѣ! Вотъ, напримѣръ, одинъ случай. Привезъ сюда инокъ своего брата, зырянскаго мальчика. Привели его въ классъ, показали ему азбуку,—къ вечеру онъ уже знаетъ ее. А черезъ два дня самъ читать сталъ! И что ему ни показывали—все понималъ сразу. Книги читать началъ — не оторвешь. Взялъ Библію на

славянскомъ языкѣ и на латинскомъ, словарь взялъ,—одинъ монахъ изъ семинаристовъ помогъ ему, — и мѣсяца черезъ четыре съ латынью ознакомился. Священное писаніе зналъ не хуже иноковъ. Учителя математики втупикъ ставилъ. Задаетъ онъ, бывало, въ классѣ задачу; другіе ученики бьются, бьются, а зырянинъ шутя рѣшитъ. Пробовали, боясь за его здоровье, отъ книги его отваживать, посылали на разную работу,—мигомъ, бывало, ее покончитъ, и опять за книгу. Мастерство узналъ, деревянные часы своимъ умомъ придумалъ. Монастырь весь, до малѣйшихъ подробностей, изъ хлѣба вылѣпилъ. Вышла совсѣмъ артистическая работа. Для подъема воды колеса разныя придумывалъ. Пріѣхала какая-то важная особа,—показали мальчика. Тотъ, часа два поговоривъ съ зырянином, взялъ его съ собою въ Петербургъ. Тамъ онъ въ нѣсколько лѣтъ двѣнадцать языковъ выучилъ!

А какъ хороша сѣверная природа Соловецкихъ острововъ! Вотъ гдѣ пріютъ и успокоеніе страждущей душѣ. Эти скалы, рощи, озера; это, немолчно-ропчущее вокругъ, сѣверное море, эти горы, съ которыхъ открываются дивные виды. Весь Соловецкій островъ и сосѣдніе раскиды-

Скитъ Сѣкиръ-горы въ Соловецкомъ монастырѣ.

ваются подъ вами, когда, взойдя на верхушку горы, вы взглянете внизъ. Лѣса, озера, поляны, церкви, скиты, часовни и горы—все это смѣшивается въ общую чудную картину. Какіе нѣжные переливы красокъ; какіе мягкіе изгибы линій! Тутъ—темная зелень сосноваго лѣса, тамъ—изумрудный просторъ поемнаго луга, и повсюду серебряные щиты изящныхъ озеръ. Они точно шары на зеленомъ бархатѣ. Берега острова рѣзко очерчиваются передъ глазами, какъ на картѣ, но каждый пунктъ ихъ является отдѣльною картиной. Тамъ группа скалъ, вдвинувшихся въ море, обрывъ надъ ними; тутъ длинный мысъ, поросшій щетиной темнаго лѣса; тамъ зеленая отложина, нечувствительно сливающаяся съ темнымъ моремъ; тутъ послѣднее глубоко-глубоко врѣзывается въ землю, образуя въ ней внутреннія озера, едва замѣтными проливами связанныя съ громаднымъ водянымъ просторомъ, золотящіяся лѣсныя дороги, бѣлыя церкви. Какъ малы и какъ изящны онѣ кажутся съ этой высоты. Въ лѣсахъ золотыя искры—кресты затерявшихся въ ихъ дремѣ часовенъ. Вонъ на зеленой лужайкѣ раскинулось стадо оленей; глазъ едва ихъ различитъ; а гребни этихъ холмовъ, этотъ чудный и чистый, какъ дѣтская молитва, воздухъ,

это безбрежное море... Засіяетъ розовая заря и разомъ вспыхнутъ внизу сотни озеръ; точно безчисленные костры пылаютъ они, пока солнце совсѣмъ не зайдетъ за горы. Вершины лѣса тоже охвачены этимъ нѣжнымъ сіяніемъ; темное вокругъ море въ такомъ уголкѣ горитъ пурпуромъ, золотомъ и лазурью. Бѣлыя церковки становятся розовыми, пурпуровыми, золотыми...

Среди этой удивительной обстановки соловецкій монахъ является типомъ крестьянина-хозяина. Онъ зорко блюдетъ свои интересы, работаетъ самъ, не отказывается отъ косы, лопаты и снасти, слѣпо вѣритъ и слѣпо повинуется. Онъ готовъ на все ради своей обители. Онъ перейметъ все у другихъ, что найдетъ хорошаго, и перенесетъ это къ себѣ въ обитель, улучшивъ съ удивительною смѣтливостью; но въ то же время онъ крайне простъ во всемъ: ряса грубаго сукна, рубаха деревенскаго холста да бахилы вмѣсто сапогъ, обильная, но грубая трапеза. Съ перваго взгляда онъ покажется вамъ не уменъ и вы съ видомъ превосходства начинаете ему объяснять что-нибудь; но будьте увѣрены, что онъ уже оцѣнилъ и васъ самихъ и вашу мысль...

В. И. Немировичъ-Данченко.

Анзерскій скитъ.

(Изъ поѣздки въ Соловецкій монастырь.)

Въ Анзерскій скитъ и на гору Голгоѳу нужно ѣхать изъ Соловецкаго монастыря на лошадяхъ, за что взимается по 1 руб. 50 коп. съ человѣка. Послѣ трапезы въ Анзеры двинулись на 9 экипажахъ 52 паломника. Это тоже одна изъ хорошихъ доходныхъ статей монастыря. Дорога содержится въ порядкѣ, но крайне скучна и однообразна. Все время на протяженіи 15 верстъ она идетъ плохимъ лѣсомъ съ болотами и озерцами. Комаровъ необыкновенное количество. Они лѣзутъ вамъ въ носъ, въ глаза, въ ротъ и немилосердно васъ кусаютъ. Черезъ полтора часа ѣзды мы достигли сѣвернаго края Соловецкаго острова и оттуда на большихъ лодкахъ поплыли черезъ проливъ въ 5 верстъ шириной къ острову Анзерскому. Это пятиверстное плаваніе является для меня однимъ изъ самыхъ пріятныхъ соловецкихъ воспоминаній. Бѣлое море сурово. Говорятъ, что это про него поется въ пѣснѣ: «Нелюдимо наше море, день и ночь шумитъ оно... въ роковомъ его просторѣ много жертвъ погребено»... И дѣйствительно, Бѣлое море нелюдимо. Блѣдное сѣверное небо отражается въ волнахъ

и окрашиваетъ ихъ въ холодный бѣловато-зеленый цвѣтъ. Когда мы очутились посрединѣ пролива между Соловецкимъ и Анзерскимъ островами, острова эти показались намъ маленькими и плоскими, а море—громаднымъ, безконечнымъ. Изъ воды то и дѣло высовывались круглыя, черныя головы тюленей; нѣсколько разъ блеснули бѣлыя, серебристыя брюха бѣлуги. Когда мы привалили къ Анзерскому острову, наступилъ «сухой отливъ», который здѣсь два раза въ день опускается и поднимается на 2 аршина. Берегъ Анзерскаго острова только что успѣлъ выйти изъ-подъ воды прилива, и на отмели мы нашли много интересныхъ морскихъ растеній и животныхъ.

«Голгоѳа» — горка съ маленькимъ скитомъ и церковью на вершинѣ. Видъ съ колокольни очень недуренъ: весь Анзерскій островъ виденъ, какъ на ладони.

На Соловецкомъ островѣ много зайцевъ, лисъ и лапландскихъ оленей. Но на нихъ не охотятся, и въ Голгоѳскомъ скиту нѣсколько лисъ до того «обрусѣли» и приручились, что смѣло входятъ на крыльцо жилища, и одинъ лишь большой сѣрый котъ воинственно относится къ лѣснымъ гостямъ.

Кучеръ той пары, на которой мнѣ пришлось ѣхать въ обществѣ еще трехъ лицъ, былъ вологодскій парень Прокопій. Ему только что минуло 16 лѣтъ и онъ явился въ монастырь «годовикомъ», чтобы даромъ поработать лѣто и зиму. Я спросилъ Прокопія, что, собственно, побудило его итти въ «годовики». Изъ отвѣта я узналъ, что Прокопій учился въ земской школѣ и выучился хорошо читать. Въ школьной библіотекѣ онъ нашелъ книжку «Соловецкій патерикъ», и эта-то книжка и рѣшила судьбу юнаго читателя. Сердце его загорѣлось жаждою подвига, и онъ сталъ проситься у отца. Отецъ счелъ за грѣхъ противиться такому желанію сына, и мальчикъ явился въ Соловецкій изъ далекаго Великоустюгскаго уѣзда.

Таково вліяніе книжки!..

Популярность Соловецкаго монастыря сложилась вѣками. Основаніе монастыря относятъ къ 1429-му году. Долгое время онъ составлялъ самую сѣверную русскую колонію. Въ 1667 году Соловецкій монастырь отказался принять исправленныя Никономъ книги. Было прислано войско, 22-го января 1676 года, послѣ семилѣтней осады, монастырь былъ взятъ приступомъ воеводою Мещериновымъ. Начались казни. Послѣ

разгрома монастырь испыталъ тяжелый упадокъ. Тѣмъ и кончилось знаменитое «Соловецкое сидѣнье». Интересно, что въ ризницѣ и теперь среди святынь монастыря показываютъ митру того самаго игумена, который пачальствовалъ «Соловецкимъ сидѣньемъ» и который былъ казненъ, не согласившись принять исправленныхъ книгъ...

Долгое время Соловецкій монастырь служилъ мѣстомъ ссылокъ и заточеній для опасныхъ враговъ русскаго государства. Возлѣ сѣверо-западной башни крѣпостной стѣны и теперь можно видѣть зданіе, много лѣтъ служившее острогомъ и извѣстное своими страшными, темными сводчатыми коридорами и ужасными темничными кельями. Лѣтъ 15—17 тому назадъ этотъ острогъ былъ упраздненъ и теперь въ немъ устраивается больница. Ссыльныхъ и заточенныхъ въ настоящее время на Соловецкомъ нѣтъ; только въ Савватіевскомъ скиту доживаетъ, и то уже добровольно, свои дни раскольникъ, лѣтъ 30—35 тому назадъ сюда сосланный.

Въ Соловецкомъ въ свое время переносилъ ссылку и заточеніе, между прочимъ, и знаменитый запорожскій кошевой атаманъ Кольшиневскій. Здѣсь кончилъ свои дни трагическій каси-

мовскій царь Симеонъ Бекбулатовичъ. Здѣсь же испыталъ превратность судьбы сосланный воевода Мещериновъ, тотъ самый, который сломилъ «Соловецкое сидѣнье» за старую вѣру. Здѣсь сидѣлъ умный Сильвестръ, а также Авраамій Палицынъ. Я напрасно искалъ могилъ кого-нибудь изъ этихъ знаменитыхъ узниковъ. Монастырь не сохранилъ могилъ, хотя исторія и хранитъ имена этихъ людей.

С. Протопоповъ.

Отъ Соловецкаго до Сумскаго посада.

Отъ Соловецкаго до Сумскаго посада я рѣшилъ доплыть на пароходѣ «Ольга» архангельско-мурманскаго т-ва. Эта «Ольга» должна была подойти къ Соловецкому утромъ въ воскресенье. Чтобы какъ-нибудь не пропустить «Ольги», я поручилъ нашему гостиничному служителю, «годовику» Егору, непремѣнно разбудить меня, если бы я самъ не проснулся во-время.

Въ три часа утра въ дверь нашего номера Егоръ началъ стучать со всею силою своихъ молодыхъ и здоровыхъ кулаковъ. Я вскочилъ и отворилъ дверь.

— Вамъ въ Сумы нужно?—спросилъ Егоръ и на мой утвердительный отвѣтъ сказалъ:—Ну,

такъ ложитесь: подошелъ пароходъ, да не тотъ, который вамъ нуженъ.

Но спать было уже трудно послѣ столь отчаяннаго пробужденія. Къ тому же и «Ольга» должна была подойти съ часу на часъ.

Въ шесть часовъ утра подулъ сильный вѣтеръ, и по Бѣлому морю забѣгали сперва «зайцы», а затѣмъ заходили и волны. Накрапывалъ дождь. Вскорѣ показалась «Ольга», но къ пристани не подошла, а бросила якорь въ 5 верстахъ отъ берега. Пришлось отыскивать «карбасъ», то-есть лодку, и плыть къ пароходу. За два рубля лодка нашлась съ тремя опытными поморами, которые хладнокровно рѣшили:

— Чать, какъ-нибудь доберемся.

Моею лодкою попросили воспользоваться еще три дамы и четверо мужчинъ. Мы побросали свои чемоданы на дно карбаса, спрыгнули въ него и ввѣрили свою судьбу поморамъ.

Вначалѣ дѣло шло недурно: въ гавани Благополучія волненіе было незначительное, попутный вѣтеръ надулъ нашъ парусъ, и лодка, накренившись, полетѣла.

Но съ выходомъ изъ гавани обстоятельства измѣнились. Наша лодка имѣла лишь одинъ парусъ, а безъ кливера нельзя было лавировать,

плыть же намъ слѣдовало почти противъ вѣтра. Дѣлать нечего, парусъ былъ спущенъ, и поморы взялись за весла.

Трудная работа—грести на морѣ противъ вѣтра и противъ волнъ. Лодка кажется скорлупкой, которую поднимаетъ, качаетъ и бросаетъ во всѣ стороны. Кажется, что весла безсильны и цѣль никогда не будетъ достигнута.

Набѣгающія волны обдавали насъ холодными брызгами и душами. Одна изъ дамъ обняла нашу маленькую мачту и часто отъ страха закрывала глаза. Съ дамскихъ шляпъ капали соленыя капли, но о спасеніи шляпъ и костюмовъ нечего было и думать.

Поморы гребли молча и сосредоточенно. Лишь изрѣдка старшій изъ нихъ произносилъ:

— Сноситъ... держи выше.

Однако мы все же добрались живыми, хотя и мокрыми, до «Ольги», съ которой намъ бросили веревку. Мы подтянулись къ трапу. Волны набѣгали одна за другой, и лодка наша то уходила низко подъ трапъ, то поднималась на половину высоты трапа.

— Берегите трапъ!—кричали съ парохода.

— Берегите руки!—совѣтовали намъ поморы, боявшіеся, какъ бы мы не положили рукъ

на борта лодки въ моментъ столкновенія этихъ бортовъ съ трапомъ.

На трапъ спустились два ловкихъ матроса. Поморы кое-какъ установили на ноги нашихъ дамъ и въ извѣстный моментъ выталкивали ихъ въ объятія матросовъ.

Но вотъ мы и на «Ольгѣ». Славный пароходъ эта «Ольга»: чистый, красивый, уютный и приспособленный къ морю.

Отъ Соловецкаго мы направились въ Кемь, оттуда въ Сороку и только на другой день, часовъ въ 10 утра, бросили якорь въ 8-ми верстахъ отъ берега Сумскаго посада.

На всѣхъ стоянкахъ къ «Ольгѣ» подплывали на лодкахъ — «карбасахъ» — поморскія женщины — «женки». Онѣ подвозили грузы, онѣ доставляли и товары и пассажировъ на берегъ. Въ лѣтнее время поморы уплываютъ къ Мурманскому берегу на рыбный промыселъ, и дома всѣмъ правятъ бабы — «женки».

Замѣчательно хорошее впечатлѣніе производятъ эти женщины-моряки. Сразу видно, что волны — ихъ стихія. Онѣ прекрасно управляются со своими парусами, гребутъ, какъ мужчины, и физически выглядятъ крѣпкими, смѣлыми и здоровыми.

Изъ Сумскаго посада за нами выѣхали тоже «женки» на большомъ карбасѣ. Отъ берега до парохода «женки» добрались шутя: на парусахъ по попутному вѣтру. Но обратный путь въ 8 верстъ противъ вѣтра, противъ волнъ и отлива, а потомъ и противъ теченія рѣчки Сумы былъ настоящей каторгой. Эти 8 верстъ мы плыли 6 часовъ, непрерывно напрягая всѣ силы подъ веслами.

Отъ Сумскаго посада до города Повѣнца, то-есть до Онежскаго озера, почти 200 верстъ. Дорога все время идетъ непрерывнымъ лѣсомъ. Однажды изъ-подъ ногъ нашихъ лошадей вылетѣла тетерка съ цѣлымъ выводкомъ цыплятъ. Ямщики разсказывали, что недѣли двѣ тому назадъ проѣзжающіе встрѣтили медвѣдя, который долго не уступалъ дороги, несмотря на то, что на него кричали, лаяли и ревѣли на всевозможные лады. Глубокой осенью здѣсь охотятся на куницъ, которыхъ продаютъ по 5—6 руб. за штуку. Зайцевъ и лисъ здѣсь изобиліе. На протяженіи многихъ верстъ дорога идетъ вдоль озера Выгъ, и два раза приходится чрезъ него переправляться на поромахъ. На этомъ озерѣ масса утокъ, дикихъ гусей и разной другой птицы. Есть и лебеди, но стрѣлять ихъ считается грѣхомъ.

Поморки.

Озеро дало имя и знаменитому въ исторіи раскола Выгскому скиту, который долгое время благополучно существовалъ среди этой дикой лѣсной чащи.

Убогое впечатлѣніе производятъ селенія, попадающіяся по дорогѣ между Сумскимъ посадомъ и Повѣнцомъ. Въ селеніи Лапино я попросилъ яицъ.

— Яицъ?! Да у насъ во всемъ селеніи нѣтъ ни одной курицы... — отвѣтили мнѣ лапинцы, подошедшіе къ станціи.

Зато комаровъ въ этихъ лѣсныхъ селеніяхъ необыкновенное количество. Они заставляютъ васъ постоянно охватывать руками лицо и шею.

Даже привычные мѣстные жители подъ шапки надѣваютъ платки, которые закрываютъ уши и затылокъ.

С. Протопоповъ.

Поморы.

Поморами зовутъ вообще всѣхъ русскихъ, усѣвшихся разными деревнями и посадами по берегамъ Бѣлаго моря, но собственно поморами чаще всего называютъ русскихъ жителей Поморскаго берега, протянувшагося вдоль Бѣлаго моря отъ устья Онеги рѣки до устья Кеми.

Возлѣ устья порожистой Кеми лежитъ главный поморскій городъ Кемь. Это главный центръ промысловой дѣятельности всего поморскаго края. Жители его богаче прочихъ, опытнѣе въ

морѣ и на промыслѣ, строятъ лучшія суда и ходятъ на нихъ не только на Мурманъ, но и на Новую Землю и на Колгуевъ за морскимъ звѣремъ. Здѣсь живутъ тѣ богачи-хозяева, владѣльцы судовъ и капиталовъ, которые нанимаютъ и посылаютъ на Мурманъ и другіе промыслы артели бѣдныхъ поморовъ и занимаются скупкой пойманной рыбы и сбытомъ хлѣба, въ которомъ такъ сильно нуждается весь сѣверъ.

Поморы-богачи живутъ въ большихъ прочныхъ домахъ съ разными пристройками. Большія свѣтлыя комнаты блещутъ крашеными полами. Стѣны оклеены до нельзя пестрыми обоями, и медленно и важно тикаютъ чуть не въ каждой комнатѣ старинные часы. Обстановка большею частью старинная: потемнѣвшія иконы, мебель, какой теперь нигдѣ не увидишь; старинная посуда, чаще всего норвежскаго фаянса, заполняетъ большіе и малые шкапчики. Если хозяинъ раскольникъ, то для гостей у него одна посуда,— мірская, «поганая», а для себя другая. Въ домѣ его все чисто, благолѣпно и идетъ по разъ заведенному порядку.

Кругомъ богачей, по оголеннымъ гранитнымъ утесамъ, на берегу и островахъ шумно плещущей на порогахъ Кеми, раскинулись жилища

другихъ обитателей городка отъ хорошихъ домовъ почтенныхъ старыхъ «коршиковъ» и кончая жалкими лачужками, гдѣ ютятся въ вѣчной бѣдности и нуждѣ старуха-мать или вдова съ дѣтьми погибшаго гдѣ-нибудь въ морѣ помора. Весь этотъ людъ такъ или иначе зависитъ отъ богатея или «богателя», какъ тутъ говорятъ.

Одни строятъ ему лодки, другіе нанимаются на его промыслы, третьи пользуются его снастями и судами, отдавая за наемъ ихъ половину добычи. Много среди нихъ неоплатныхъ должниковъ, которыхъ нужда гонитъ къ нему зимой за хлѣбомъ.

Зимой поморы, кто не ушелъ на звѣриный промыселъ и не занятъ постройкой судовъ, сидятъ дома. Въ этой глухой сторонѣ, вдали отъ большихъ городовъ, желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ, въ обычаяхъ населенія сохранилось много старины. Тутъ можно слышать русскія слова и выраженія, которыя въ другихъ мѣстахъ замѣнились нерусскими. Одежду, особенно женщины, носятъ старинную, чисто русскую, съ разными старинными узорами. Одежда эта, изукрашенная мѣстнымъ жемчугомъ, переходитъ отъ матерей къ дочерямъ вмѣстѣ съ житейскими наставленіями и поученіями, какъ жить, какъ вести себя, какъ мужу угождать. На праздни-

Поморы.

кахъ и семейныхъ торжествахъ молодежь поетъ старинныя пѣсни, заводитъ хороводы и игры по старинѣ; старые обычаи выполняются и соблюдаются строго.

У поморовъ нѣтъ своего хлѣба, потому что его здѣсь за холоднымъ климатомъ не сѣютъ; поморы держатъ только скотъ, лошадей, коровъ и овецъ, которыхъ нерѣдко кормятъ не сѣномъ, а мохомъ, какъ оленей. Хлѣбъ поморы покупаютъ привозный изъ Архангельска, который хранится въ кладовыхъ у богателей; бѣднота покупаетъ его у богачей больше въ долгъ, подъ будущую работу.

Главное занятіе поморовъ — рыбная ловля. Въ водахъ Сѣвернаго моря водится много всякой рыбы, но больше всего ловится тамъ трески и сельдей.

Еще глубокій снѣгъ лежитъ кругомъ, ледъ загораживаетъ море у береговъ, но морозы стали, все чаще съ моря наползаетъ плотный туманъ, который въ концѣ апрѣля разрѣшается дождемъ. Снѣгъ таетъ, ледъ расползается и начинаетъ отодвигаться отъ берега. Но пока по южнымъ склонамъ холмовъ не выбилась изъ-подъ снѣга первая зеленая травка и новый холмъ, не слыхать на берегу крикливыхъ чаекъ и заунывно

стонущихъ гагаръ. А между тѣмъ море уже оживаетъ: по немъ ходятъ стада сельди, а за нею появляются хищная треска и прожорливый палтусъ. Ради этой именно рыбы двѣ тысячи промышленниковъ приходятъ на Мурманъ. Пока ледъ не унесло далеко въ море, промыслы не начинаютъ.

Но вотъ ледъ уплылъ, и море очистилось совершенно. Пора начинать промыселъ! Каждый станъ высылаетъ въ море три-четыре «шняки», промысловыя лодки, подымающія четырехъ рабочихъ, и «ярусъ», т.-е. снасть. Меньше чѣмъ четырьмя рабочими нельзя обойтись на промыслѣ; если заболѣлъ кто изъ покрутчиковъ, его замѣняетъ «зуекъ», мальчишка изъ тѣхъ, которыхъ берутъ на Мурманъ, наваливая на нихъ мелкую и грязную работу. Работа кипитъ почти безъ передышки, благо полярное солнце стоитъ на небѣ, превращая ночь въ день.

Ловъ рыбы продолжается все лѣто. Вотъ наступаетъ, наконецъ, августъ мѣсяцъ. Солнце съ каждымъ днемъ замѣтно проводитъ меньше времени надъ горизонтомъ. Вѣтеръ съ моря что день, то холоднѣе, прибрежныя птицы начинаютъ готовиться къ отлету, туманъ чаще ползаетъ по тундрѣ, и рыба, чѣмъ дальше, ловится замѣтно

хуже. Чаще слышны разговоры о домѣ, о семьѣ, о томъ, когда де придутъ хозяйскія суда, и куда де выйдетъ приказъ ѣхать: прямо на Поморье или въ Архангельскъ, на Маргаритинскую ярмарку. Пора, пора домой!

Изъ «Нашей Родины».

Бѣломорскіе промыслы.

По берегамъ Бѣлаго моря разбросано довольно много деревень, населенныхъ «поморами» — настоящими русскими людьми, рослыми, плечистыми, желѣзнаго здоровья, неустрашимыми, привыкшими смѣло смотрѣть въ лицо смерти. Они отличаются патріархальными нравами и очень религіозны, чему доказательствомъ служатъ церкви, находящіяся въ каждомъ селеніи и по праздникамъ наполненныя молящимися. Изъ каждой семьи кто-нибудь да побывалъ въ обители Соловецкой по обѣщанію, которое дается обыкновенно въ несчастныхъ случаяхъ въ морѣ. Впрочемъ, очень многіе придерживаются старообрядчества.

Деревни поморовъ производятъ впечатлѣніе тяжкаго, гнетущаго уединенія. Хлѣбопашества здѣсь мало или нѣтъ вовсе, хотя крестьяне держатъ коровъ, которыхъ кормятъ или сѣномъ или

Селеніе поморовъ.

бѣлымъ оленьимъ мхомъ, размачивая его въ наварѣ изъ внутренностей и головъ трески. Главный промыселъ поморовъ составляетъ рыбная ловля и охота на морского звѣря.

Къ берегамъ Бѣлаго моря въ извѣстные сроки приходятъ милліоны сельдей. Поморы на вопросъ, почему сельдь идетъ изъ океана въ бухты и заливы бѣломорскіе, отвѣчаютъ, что она ищетъ спасенія отъ морского звѣря, двинувшагося также отъ полюса. Но какъ бы то ни было, жители прибрежныхъ деревень получаютъ ежегодно счастливый случай для огромнаго улова рыбы. Сельдь солятъ мѣстныя крестьянки, пользуясь

солью изъ казенныхъ магазиновъ, потомъ ее укладываютъ въ бочки, заготовленныя еще зимою, и въ маѣ мѣсяцѣ отправляютъ въ Архангельскъ; рыбу же осенняго улова везутъ въ концѣ сентября. Вмѣстѣ съ грузомъ ѣдутъ въ Архангельскъ собственники его, исключительно женщины. Поморскія женщины отличаются мужествомъ, смѣлостью, привычкой къ морю и его опасностямъ.

Боченокъ сельдей стоитъ помору себѣ 19 копеекъ, а въ Архангельскѣ купцы покупаютъ его при обильномъ уловѣ за 20 к., а при плохомъ 25 коп. Слѣдовательно, кто самъ работаетъ боченки, тотъ еще имѣетъ барышъ, но кому приходится прибѣгать къ помощи другихъ, для того барышъ дѣлается возможнымъ или при очень плохомъ уловѣ, когда сельдь дорога, или при очень обильномъ уловѣ, когда ее отправляютъ большими массами.

Кромѣ сельдей, ловится еще у береговъ Бѣлаго моря много семги. Семга — рыба удивительная. Едва наступитъ весна, она начинаетъ пробираться изъ моря въ порожистыя рѣки Сѣвера, при чемъ съ поразительною силой прыгаетъ черезъ пороги. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Подужемьѣ, въ 18 верстахъ отъ Кеми, есть огромный

порогъ Ужма, въ полверсты длиною. Вѣчно клокочущій, бушующій, пѣнящійся, стремительный, онъ разбиваетъ въ щепы бревно въ 8 вершковъ толщиною, и когда подходишь къ нему близко, то чувствуешь сотрясеніе земли. И тѣмъ не менѣе семга стремительно пробѣгаетъ вверхъ по этому порогу, а тамъ, гдѣ ей нельзя проплыть, дѣлаетъ прыжки въ воздухѣ, часто на 1½ сажени. Войдя въ рѣку, семга живетъ въ ней все лѣто и осенью мечетъ тамъ икру. Ее ловятъ всевозможными способами. Самый губительный способъ лова — это ловъ заборами, когда всю рѣку перегораживаютъ частоколомъ, посреди котораго оставляется только одно отверстіе съ сѣтью противъ него. Семга, идя противъ теченія, встрѣчаетъ заборъ, ищетъ, гдѣ бы ей пройти, и, найдя отверстіе, попадаетъ въ сѣть. При этомъ семга никогда не поворачиваетъ назадъ: тайный инстинктъ побуждаетъ ее итти все впередъ, вверхъ по рѣкѣ, поэтому она только тыкаетъ головой въ сѣть, но прорвать ее, конечно, не можетъ.

Но главные рыбные промыслы поморовъ происходятъ на Мурманскомъ берегу, т.-е. на сѣверномъ берегу Кольскаго полуострова. Тамъ

ловится огромное количество трески, составляющей любимую пищу сѣверныхъ жителей.

Осѣдлаго, постояннаго населенія очень мало на Мурманѣ, хотя онъ имѣетъ около восьмисотъ верстъ въ длину. Тамъ одинъ дикій камень, покрытый мхомъ. Когда ѣдешь на пароходѣ вдоль этого берега, то передъ глазами проходитъ зрѣлище необыкновенно унылое и дикое. Страна имѣетъ видъ какой-то окаменѣлой пустыни. Камень, камень и камень — сердце сжимается, и природа производитъ впечатлѣніе полной безнадежности, точно видишь передъ собою не землю, а гробовую доску. Вдоль всего берега разбросаны въ различныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга такъ называемыя рыбачьи «становища». Это по большей части небольшіе поселки въ нѣсколько десятковъ домиковъ и землянокъ. Они пусты зимою и наглухо заколочены, но лѣтомъ въ нихъ кипитъ жизнь и дѣятельность, дѣятельность чрезвычайно трудная, грязная, непривлекательная. На лѣтніе промыслы собирается народъ издалека, въ большомъ количествѣ. Рабочіе, или, по-мѣстному, «покрутчики», совершаютъ свой путь пѣшкомъ поперекъ Кольскаго полуострова. Въ началѣ марта, когда еще и не пахнетъ весною, изъ бѣломорскихъ деревень тро-

На Мурманѣ.

гаются въ путь промышленники, везя багажъ, одежду и провизію на маленькихъ санкахъ. Кольскій полуостровъ внутри почти лишенъ населенія; здѣсь попадаются только полудикіе лопари. Поэтому на всемъ пути черезъ безконечную снѣжную пустыню промышленникамъ приходится проводить ночи, въ морозъ и метель, на снѣгу, подъ открытымъ небомъ, согрѣваясь только у костра.

Наконецъ они достигаютъ Мурмана и его становищъ. Дома, или станы, сдѣланы изъ теса, привезеннаго сюда изъ Архангельска, и снабжены большою русскою печью. Направо и налѣво—нары. Помѣщается въ такомъ станѣ до 30 человѣкъ, да еще здѣсь сушатъ снасти, одежду и обувь, такъ что духота тамъ ужасная. Московскіе ночлежные дома на Хитровомъ рынкѣ покажутся дворцомъ послѣ ночевки въ мурманскомъ станѣ. Немедленно по прибытіи промышленники принимаются за ловъ рыбы. Устроивъ становища и оставивъ тамъ нѣсколько мальчиковъ, зуйковъ—по-мѣстному, они выѣзжаютъ въ море въ большихъ парусныхъ лодкахъ, шнякахъ. Рыбу ловятъ ярусомъ. Это бечевка верстъ въ 10—12 длиною, къ которой въ разстояніяхъ аршина другъ отъ друга привязаны болѣе тонкія веревочки съ крючками. На крючки

насаживаютъ маленькую рыбку, мойву. Отъѣхавъ на нѣсколько верстъ отъ берега, опускаютъ ярусъ въ море, гдѣ онъ и держится на поплавкахъ. Часовъ черезъ 12 онъ вытаскивается. На крючки попадаетъ крупная треска, около аршина длиною, и ея ловится такъ много, что вся шняка до краевъ бываетъ наполнена ею.

Кромѣ рыбнаго, есть еще промыселъ у поморовъ — охота на тюленей въ Бѣломъ морѣ.

Промыселъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ «торосоваго», отъ слова «торосъ», какъ у насъ на Сѣверѣ зовутъ пловучіе льды. Каждый годъ, въ исходѣ зимы, приплываютъ въ Бѣлое море изъ океана стада тюленей. Къ этому времени собираются на берегу промышленники. Они привозятъ съ собою припасы, орудія, снасти и поселяются во временныхъ промысловыхъ избушкахъ, которыя разбросаны вездѣ по берегамъ Бѣлаго моря. Русскіе промышленники одѣваются въ юпы, родъ малицы изъ оленьей шкуры; на голову надѣваютъ лопарскую или самоѣдскую шапку, на ноги—бахилы, т.-е. сапоги безъ каблуковъ изъ тюленьей кожи. У каждаго виситъ черезъ плечо лямка, на поясѣ ножъ, а въ рукахъ у него палка съ желѣзнымъ крючкомъ, которымъ онъ бьетъ звѣря по переносицѣ. И вотъ

стоитъ артель такихъ промышленниковъ на берегу и ждетъ. Обыкновенно туманъ скрываетъ море и пловучіе льды. Но если туманъ разойдется, то вдругъ показывается вдали льдина, вся бѣлая отъ снѣга, и на ней лежатъ, точно черный бисеръ, тюлени. Тогда промышленники осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ и садятся въ лодки.

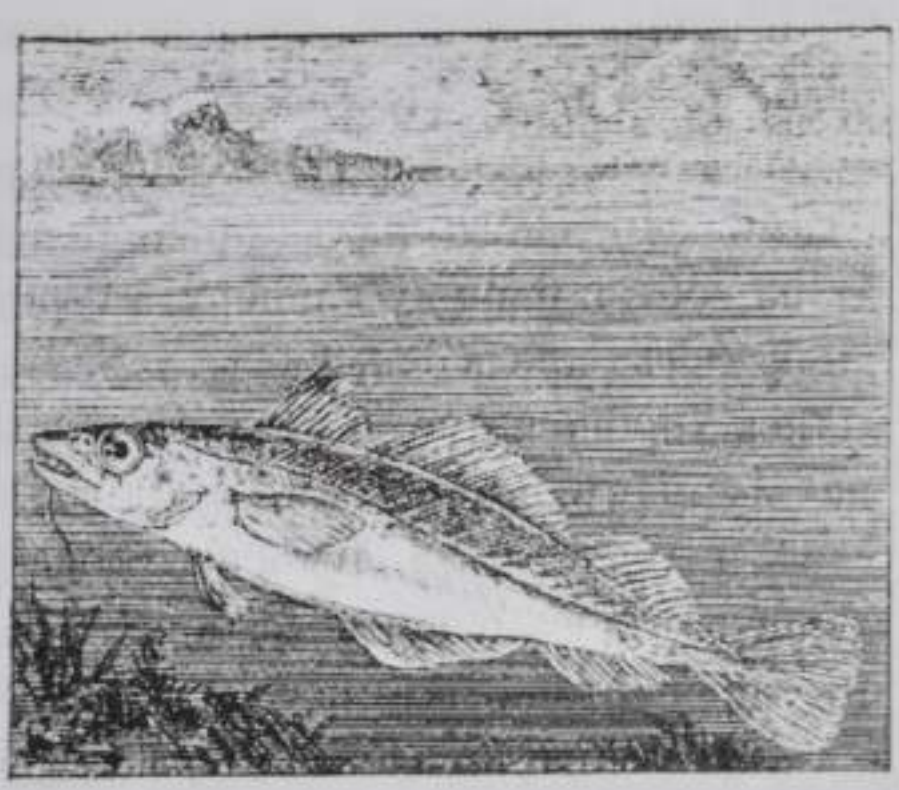
Въ туманный день тюленей подолгу не видно, но по вѣтру доносится ихъ разговоръ иногда за нѣсколько верстъ. Маленькій тюлень, бѣлекъ, тихо пищитъ, самка, утельга, точно уговариваетъ его: уръ, уръ, уръ... а самецъ, лысунъ, болѣе грубымъ голосомъ точно приказываетъ имъ молчать: у-у-у... Тюлени лежатъ на льду и носятся по морю по волѣ вѣтра и теченій. Мать кормитъ своего малютку, при чемъ она замѣчательно любитъ его. Бывали случаи, что промышленники убьютъ бѣлька и оставятъ его на льдинѣ. Мать заплачетъ, закричитъ, зауркаетъ и бросится въ воду. Звѣри эти плачутъ какъ люди, слезы такъ и льются изъ ихъ глазъ. Но она не отходитъ все время отъ трупа своего дѣтища; выйдетъ, поползаетъ возлѣ и, увидя людей, опять бросается въ воду. Такъ все время, пока не убьютъ и ее.

Поморы на промыслѣ морского звѣря.

Добраться до стада тюленей, отрѣзать ему отступленіе въ море и перебить какъ можно больше—вотъ въ чемъ задача промышленниковъ. Съ тюленей снимаютъ кожу съ саломъ, а все остальное бросаютъ въ воду. Иногда охота бываетъ удачна, и тогда на каждаго охотника достается до 200 руб. дохода, но часто бываютъ при этомъ несчастія съ людьми. С. Мечъ.

Рыболовный промыселъ въ Мурманѣ.

Какъ вездѣ на Мурманѣ, такъ и здѣсь кормилицей населенія служитъ, главнымъ образомъ, треска. Это почти то же, что и хлѣбъ для крестьянина черноземныхъ губерній. Хлѣбъ этотъ, однако, добывается съ бо́льшимъ трудомъ и рискомъ, нежели ржаной или пшеничный, а урожай его бываетъ еще болѣе измѣнчивъ въ зависимости отъ разныхъ причинъ и, между прочимъ, отъ погоды... Треска ловится такъ называемыми ярусами—орудіемъ, очень напоминающимъ простую крючковую снасть, употребляемую въ Каспійскомъ морѣ для ловли бѣлуги. Представьте себѣ веревку длиной въ нѣсколько верстъ; на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга къ этой веревкѣ на коротенькихъ бечев-



Треска.

кахъ подвѣшиваются крючья и поплавки. Вотъ и весь ярусъ. На крючья для приманки насаживаютъ мелкую рыбу: мойву или песчанку. Ярусъ при помощи грузилъ опускается на дно; поплавки слегка приподнимаютъ его. Снасть выбрасывается въ море вдали отъ береговъ. При ней на якорѣ стоитъ лодка, въ которой ловцы дожидаются результатовъ улова иногда по нѣсколько сутокъ... Наши русскіе промышленники употребляютъ для этой цѣли такъ называемыя ш и я к и, довольно тяжелыя лодки, которыя плохо ходятъ на веслахъ и еще хуже парусомъ. Вотъ

на этихъ-то шнякахъ ловцы подчасъ и находятъ свою погибель.

Надо замѣтить, что всюду по Мурманскому берегу, какъ это много разъ приходилось испытывать на себѣ и нашему клиперу, вѣтры отличаются поистинѣ предательскимъ характеромъ. Наслаждаясь хорошей погодой, какая только возможна на Мурманѣ, вы плывете себѣ на парусномъ суднѣ и думаете: «а Ледовитый океанъ не такъ страшенъ, какъ о немъ говорятъ». Вдругъ словно въ опроверженіе вашихъ думъ, свистя въ вантахъ и обдавая васъ солеными брызгами воды, налетаетъ штормъ. Паруса убираются, и ваше судно терпитъ аварію. Если такой нежданный-негаданный штормъ застанетъ ловцовъ на ярусѣ, имъ, конечно, не остается ничего другого, какъ спасать свои животы. Ярусы бросаются на произволъ судьбы, а ловцы направляются въ ближайшую бухту, или просто къ берегу, гдѣ вытаскиваютъ шняку на сухую землю. Если ловцы успѣли уйти отъ разбушевавшейся стихіи сами, они все-таки платятся ярусами: волна разбрасываетъ ихъ или, во всякомъ случаѣ, срываетъ значки, безъ которыхъ трудно или невозможно отыскать оставленную снасть.

Кромѣ трески, на Мурманѣ промышляютъ еще пикшуя—рыбу, очень похожую на треску, а также палтуса—очень крупную породу камбаловыхъ рыбъ. Случается, что на треску, попавшуюся въ ярусъ, въ свою очередь, попадается акула. Русскіе промышленники считаютъ ее поганой рыбой, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что она, въ отличіе отъ большинства рыбъ, родитъ живыхъ дѣтей. Однако жиръ акулы, почти безцвѣтный и прозрачный, какъ вода, здѣсь нерѣдко употребляютъ въ пищу вмѣсто масла. Часто на крючья ярусовъ попадается живность, не пригодная ровно ни къ чему. Иногда въ наживку вцѣпляются морскія звѣзды или краббы, которыхъ тутъ же бросаютъ въ море, доставляя тѣмъ не мало удовольствія чайкамъ. Около каждой шняки обыкновенно держится нѣсколько штукъ этихъ птицъ. Особенно досаждаютъ промышленникамъ скаты, эти плоскія, какъ блинъ, колючія рыбы. Въ послѣднее время, какъ говорятъ, ихъ стали ѣсть и даже солить въ прокъ какъ для собственнаго употребленія, такъ и въ продажу.

На Мурманѣ рыба ловится, главнымъ образомъ, на наживку. Самый промыселъ распадается поэтому на двѣ части. Сначала надо поймать мел-

кую рыбешку, затѣмъ уже можно приступить къ самому промыслу. Поэтому уловъ промысловой рыбы прежде всего зависитъ отъ улова песчанки и мойвы. И та и другая рыбешка большими стаями подходитъ для метанія икры къ песчанымъ берегамъ Мурмана, но это бываетъ въ опредѣленное время года, періодически. Случается, что наживка не является въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее ждутъ, или подходитъ въ незначительномъ количествѣ.

Лучше всего треска беретъ на мойву, которая вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ лакомую пищу китовъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда эта рыбка, похожая на нашу корюшку, изъ глубины океана огромными стаями подходитъ къ берегамъ, слѣдомъ за ней являются и киты. Поэтому рыбопромышленники, ожидающіе появленія мойвы, внимательно наблюдаютъ за тѣмъ, не покажется ли гдѣ въ морѣ бѣлый столбъ пара, выброшенный изъ дувня морского исполина. Разъ появились киты, значитъ, пора приступать и къ лову мойвы. Такимъ образомъ, эти звѣри и промышленники являются въ нѣкоторомъ родѣ конкурентами другъ другу, такъ какъ охотятся за одной и той же рыбой. По мнѣнію нѣкоторыхъ, конкуренція китовъ настолько опасна, что ихъ во что бы то

ни стало слѣдуетъ истребить. Они будто бы поѣдаютъ мойву въ огромномъ количествѣ и, что всего важнѣе, отпугиваютъ ее отъ берега, тѣмъ самымъ лишая промышленниковъ наживки.

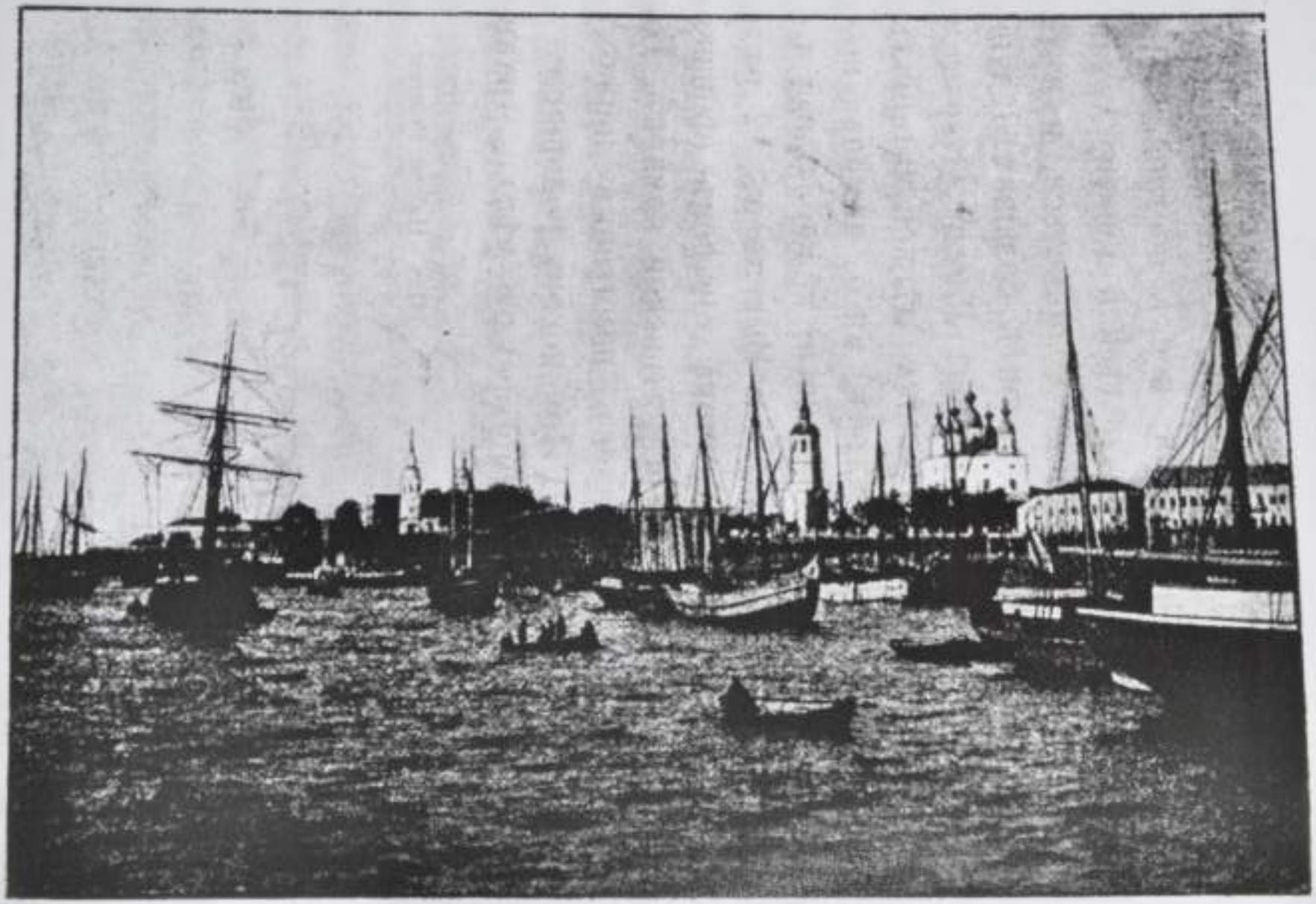
На самомъ дѣлѣ киты не пригоняютъ мойву, и не отпугиваютъ ее отъ береговъ. Она сама по себѣ подходитъ къ берегу для метанія икры, за ней являются киты, которые исчезаютъ точно такъ же вслѣдъ за мойвой. Конечно, они поѣдаютъ эту рыбу, но, при безчисленномъ множествѣ ея, при огромной плодовитости, эти морскіе исполины, несмотря на свой аппетитъ, не въ состояніи сколько-нибудь замѣтно уменьшить численность этой мелкой рыбешки. Мойва существуетъ испоконъ вѣковъ, какъ испоконъ вѣковъ ловятъ ее и киты; но это нисколько не повело къ исчезновенію мойвы. Надо думать, что и теперь отношенія этихъ двухъ обитателей моря другъ къ другу нимало не измѣнились. Что же касается того, что киты сами по себѣ составляютъ богатство, объ этомъ, я думаю, и распространяться нѣтъ надобности.

Одинъ такой звѣрь можетъ дать жиру, болѣе, чѣмъ на одну тысячу рублей.

А. М. Никольскій.

Архангельскъ.

При впаденіи Сѣверной Двины въ Бѣлое море лежитъ древній знаменитый городъ Архангельскъ, основанный въ XVI в., при царѣ Іоаннѣ IV. Этотъ городъ всегда былъ центромъ нашего сѣвернаго судостроенія и торговли и всегда отражалъ на себѣ ихъ судьбы. Архангельскъ имѣлъ нѣсколько эпохъ расцвѣта, совпадавшихъ съ расцвѣтомъ торговли и судостроенія. Первая эпоха расцвѣта была при Петрѣ I, въ началѣ XVIII в. Петръ лично три раза посѣтилъ Архангельскъ и разными мѣрами старался поддержать его торговлю и судостроеніе. Впослѣдствіи, послѣ основанія Петербурга, Петръ измѣнилъ свое отношеніе къ Архангельску и даже запретилъ ввозить въ этотъ городъ товаровъ больше, чѣмъ необходимо для самой губерніи. Второй эпохой расцвѣта было начало XIX в., когда «континентальная система» закрыла англичанамъ всѣ гавани и они подъ американскимъ флагомъ стали посѣщать Архангельскъ. Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка торговля Архангельска стала вновь сокращаться, вслѣдствіе быстраго развитія желѣзно-дорожной сѣти въ средней и южной



Архангельскъ съ моря.

Россіи, соединившей наши хлѣбородныя и лѣсныя мѣстности съ гаванями Балтійскаго моря; но въ настоящее время, послѣ постройки Московско-Архангельской желѣзной дороги, Архангельскъ опять начинаетъ подниматься, и нѣтъ сомнѣнія, что ему предстоитъ большая будущность въ отпускной торговлѣ Россіи. Отвозятся изъ Архангельска за границу: лѣсной матеріалъ, смола, ленъ, пакля, хлѣбъ, мясо, щетина; ввозятся: соль, рыба, различные колоніальные товары и желѣзныя издѣлія. Вывозъ въ 12 разъ превышаетъ ввозъ. Закупка товаровъ производится на осенней Маргаритинской ярмаркѣ. Въ Архангельскѣ поставленъ памятникъ первому русскому ученому М. В. Ломоносову, родившемуся въ с. Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

Изъ «Нашей Родины».

Вопросы.

1) Найдите на картѣ Европейской Россіи Бѣлое море. Въ какой части Европейской Россіи лежитъ оно? Какіе два полуострова выдаются съ сѣвера Бѣлаго моря? На какомъ изъ этихъ полуостровъ лежитъ Мурманъ? Какіе острова лежатъ въ Бѣломъ морѣ? Какія рѣки впадаютъ въ Бѣлое море? Какія рыбы водятся въ Бѣломъ морѣ? Какое замѣчательное явленіе лѣтомъ можно наблюдать на Бѣломъ морѣ?

2) Какой знаменитый монастырь находится на островахъ Бѣлаго моря? Чѣмъ замѣчателенъ Соловецкій монастырь въ историческомъ отношеніи? Чѣмъ замѣчателенъ онъ по устройству своей внутренней жизни?

3) Кого называютъ поморами? Опишите жизнь помора. Чѣмъ отличаются поморскія женщины?

4) Какой губернскій городъ лежитъ на берегу Бѣлаго моря? При впаденіи какой рѣки лежитъ онъ? Чѣмъ замѣчателенъ Архангельскъ въ историческомъ отношеніи? Чей памятникъ украшаетъ главную площадь Архангельска?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Бѣлое море *Ф. Ставровской*	1
Полуночное солнце *В. Львова*	9
Соловецкій монастырь *изъ «Нашей родины»*	13
Соловки *В. И. Немировича-Данченко*	15
Анзерскій скитъ *С. Протопопова*	28
Отъ Соловецкаго до Сумскаго посада. *Его же.*	32
Поморы *изъ «Нашей Родины»*	38
Бѣломорскіе промыслы *С. Меча*	44
Рыболовный промыселъ въ Мурманѣ *А. Никольскаго*	54
Архангельскъ *изъ «Нашей Родины»*	60
Вопросы	63